

Мотивы и намерения авторов при написании дневниковой литературы на примере дневников монахини Абуцу и «Записок» княгини Дашковой

Анна Оськина

Введение

Дневник, в особенности дневник писателя, – уникальное явление литературы, которое можно рассматривать, как автобиографический жанр и одновременно как художественное произведение. Дневник отражает внутренний мир писателя, его восприятие окружающего мира. В то же время это и биография автора: о некоторых людях мы не узнали бы, если они не вели дневников. Часто фоном в дневниковой литературе становятся исторические или социальные события, происходящие вокруг автора, и тогда дневник становится источником, по которому возможно реконструировать важнейшие детали этих событий.

Но и в том случае, когда дневник является единственным источником биографии автора или исторического события, мы не можем до конца полагаться на него, поскольку, как было сказано выше, дневник – это и художественное произведение. В нем есть не только осознанная стилизация, но и авторская задумка. Интересно проследить, каким хочет показать себя автор на страницах своего дневника, к кому обращается, рассказывая историю своей жизни, что двигает автором, что мотивирует его при создании дневника.

С этой точки зрения привлекательными объектами для исследования являются дневники монахини Абуцу, «Утатанэ-но ки» и «Идзаёи никки», и «Записки» княгини Дашковой. Разумеется, когда речь идет о столь разных культурах, эпохах и личностях, было бы странно заниматься простым сравнением или сопоставлением дневников. Цель данной работы – проследить, какую память попытались оставить о себе авторы, попробовать ответить на вопрос, зачем монахиня Абуцу и княгиня Дашкова создали эти произведения, что они хотели оставить в память о себе, кто должен был, по их замыслу, стать их читателями, кому адресовали они свои дневники.

Монахиня и княгиня, жена поэта Фудзивара-но Тамэиэ и фаворитка Екатерины Великой, Япония эпохи Камакура после продолжительных междоусобных войн и Россия во времена очередного дворцового переворота. Монахиню Абуцу и Екатерину

Романовну Дашкову объединяют сильный личностный характер, необычная судьба и та особая роль, которую им довелось сыграть в истории своей страны.

Монахиня Абуцу

Абуцу-ни, монахиня Абуцу – этим именем писательница стала называться, приняв монашеский постриг после смерти своего мужа Фудзивара-но Тамэиэ в 1275 г.. Она была также известна как Анкамонъин Этидзэн, Анкамонъин Уэмон-но Сукэ и Анкамонъин-но Сидзё по имени императрицы, жены императора Дзюнтoku, у которой служила. Помимо двух дневников Абуцу является автором критического очерка о поэзии «Ёру-но цуру» (夜の鶴, «Ночной журавль», около 1279), эссе, написанного в форме письма своей дочери «Мэното-но фуми» (乳母の文, «Письмо кормилицы»), или другое название «Нива-но осие» (庭のをしえ, «Семейное наставление», около 1279). Кроме этого, она была выдающейся поэтессой, оставившей после себя 877 стихотворений.

Абуцу известна во многом благодаря своей родственной связи со знаменитым поэтическим домом Микохидари (御子左). Выйдя замуж за Фудзивара-но Тамэиэ, Абуцу, по-видимому, сыграла роль в разделении этого дома на три ветви: старшие дети Тамэиэ от первого брака Тамэудзи и Тамэнори основали собственные поэтические школы Нидзё (二条) и Кёгоку (京極) соответственно, а сын Абуцу Тамэсукэ стал основателем дома Рэйдзэй (冷泉).

Два дневника, «Утатанэ-но ки» (うたたねの記, «Прерывистый сон», между 1251 и 1265) и «Идзаёи никки» (十六夜日記, «Дневник шестнадцатой ночи», 1279–1283), разделяют от 18 до 32 лет по году создания, и почти 40 лет по времени описываемых событий. Являясь уникальными источниками о жизни писательницы, дневники дают информацию о молодых и преклонных годах Абуцу. Какие сведения дают нам дневники и можно ли доверять им?

О родителях Абуцу практически ничего не известно. В ее первом дневнике «Утатанэ-но ки» упоминается человек, вместе с которым Абуцу направляется в провинцию Тотоми и которому она «может доверять, как второму отцу» (「後の親とか頼むべき」). Джон Уоллас пишет, что когда Абуцу была еще маленькой, ее мать вышла второй раз за управителя провинции Тайра Норисигэ, и этот человек стал ее

приемным отцом¹. Похоже, что о том же человеке Абуцу вспоминает и во втором дневнике, когда проезжает по тому же пути, что и 40 лет назад. В «Идзаёи никки» она называет его «мой отец, асон» (父の朝臣, тити-но асон). Табути Кумико утверждает, что вероятнее всего, Норисигэ был родным отцом Абуцу. В генеалогической хронике «Сомпибуммяку» (尊卑文脈, 1377–1395), в антологиях «Анкамонъин Сидзё госякюсю» (安嘉門院四条五百首), «Сёкуокинсю», а также в справочнике о поэтах императорских антологий «Тёкусэн сакуся буруй» (勅撰作者部類, 1337) указано, что Абуцу – дочь Тайра Норисигэ². И только в «Утатанэ-но ки» встречается упоминание о приемном отце. Исходя из этого, Табути Кумико пишет, что, судя по всему, можно считать Норисигэ родным отцом Абуцу.

Что же касается матери Абуцу, то о ней действительно практически ничего неизвестно. Табути Кумико предполагает, что она тоже была придворной дамой и служила при дворе императрицы Китасиракаваин, как и мать Тайра Норисигэ, или же при дворе Анкамонъин, где служила Абуцу³. В то время, если мать была придворной дамой, то с большой вероятностью ее дочь также попадала на службу во дворец. Предположение о том, что мать Абуцу скончалась, когда та была еще ребенком, строится на следующем отрывке из «Утатанэ-но ки»:

«Одиннадцатый месяц подошел к концу. Я разбирала множество писем, что пришло мне из столицы. В одном из них я прочла, что человек, воспитывавший меня с самых малых лет и которого я так жестоко оставила, беспокоясь обо мне, заболел и похоже, что дни его сочтены. Когда увидела я почерк, похожий на следы птицы, сердце наполнилось грустью, и, позабыв обо всех делах, я поспешно решила вернуться в столицу»⁴.

Очевидно, речь идет о кормилице, которая воспитывала Абуцу с самого детства, и, по всей видимости, заменила ей мать. Узнав, что кормилица больна, Абуцу незамедлительно возвращается в столицу из Тотоми.

И все-таки в дневнике «Утатанэ-но ки» ключевой является личная история Абуцу. Дневник охватывает события двух лет и ведется от лица придворной дамы,

¹ Wallace J. Nun Abutsu's Utatane // Monumenta Nipponica. 1988. Vol. 43. No. 4. P. 391.

² 田淵句美子 (2009) 『阿仏尼』 吉川弘文館. P. 7.

³ 同上. P. 9.

⁴ Здесь и далее перевод «Утатанэ-но ки» мой. – А.О. Перевод выполнен по изданию: 築瀬一雄 (1984) 『阿仏尼全集』 風間書房.

будем считать, что автор и героиня одно лицо. Для разбора дневник удобно поделить условно на две части.

В первой части Абуцу рассказывает о своей первой сильной любви и ее утрате. Повествование начинается с осени, когда уже становится понятно, что возлюбленный постепенно охладевает к Абуцу. «Я не знала, какую боль может причинить расставание с ним... Я лежала в постели, слушая звук колокола, отмеряющего часы, сердце мое словно остановилось. Тогда я поняла, как мучительно ожидание, описанное в стихотворении “если он не придет...”». Возлюбленный все реже посылает письма и все реже навещает Абуцу. Тем не менее, даже редкие встречи приносят Абуцу радость: убежденная в том, что он так же хорош, как принц Гэндзи, Абуцу представляет себя героиней знаменитой повести.

Перебирая письма от своего возлюбленного, Абуцу вспоминает: «с тех пор, как зацвели первые цветы на деревьях и до той поры, когда увяли зимние травы, как много было грусти, сколько было слов любви и обещаний». Получается, что их любовные встречи начинаются ранней весной, летом они продолжаются, но с осени возлюбленный все реже навещает Абуцу, что усиливает ее страдания, а к зиме, его посещения и вовсе прекращаются. Абуцу решает уйти в монастырь и весной следующего года (тогда она находилась на службе у дочери императора Готоба, Анкамонъин) в своей опочивальне Абуцу собственноручно остригает себе волосы. В тот же вечер она бежит из дома по горным тропам. Блуждая сквозь дебри под проливным дождем, Абуцу натывается на женский храм Нисияма. Спустя некоторое время она немного успокаивается, но не перестает печалиться, вспоминая о своем возлюбленном. Однако дорогой ей человек даже не вспоминает о ней, из-за чего героиня сильно заболевает, и ее перевозят во дворец, а затем она возвращается в родительский дом.

Вторая часть дневника также начинается с осени следующего года. Абуцу, все еще пребывает в печали о покинувшем ее возлюбленном, слагает о нем стихи. Ее приемный отец, приехавший в столицу из провинции Тотоми (совр. Сидзуока), возвращаясь домой, зовет ее с собой, чтобы развеять печальные мысли, и она соглашается поехать, хотя тревога в сердце еще не улеглась. Целый месяц они проводят в местечке Хамамацу. Однако, получив известие о болезни своей кормилицы, посередине холодной зимы она отправляется обратно в столицу, описывая свой путь. По

приезде в столицу Абуцу находит свою кормилицу выздоравливающей, а сама вспоминает о своем возлюбленном и размышляет о будущем.

Около 1260 г. Абуцу вышла замуж за Тамэиэ. Известно, что у Тамэиэ уже было трое сыновей и одна дочь. Абуцу родила ему еще троих мальчиков. В 1275 г. Фудзивара-но Тамэиэ умер, а его вдова приняла монашеский постриг. С этого времени начинается судебная тяжба между Абуцу и Тамэудзи, и вынужденная покинуть столицу Хэйан Абуцу начинает писать «Дневник убывающей луны» – «Идзаёи никки» – по пути в город Камакура.

Абуцу начинает дневник с сетования на то, что «сегодняшние дети даже во сне не могут узнать, что к ним имеет отношение название книги, которую в древности извлекли из стены»⁵. Речь идет о «Каноне сыновней почтительности», которую, по преданию, нашли в стене дома, а намекает Абуцу на то, что ее пасынок Тамэудзи отказался отдать земли Хосокава согласно новому завещанию отца. Абуцу жалуется на неблагосклонность императора, и надеется на помощь военного правителя. Писательница явно подчеркивает свою причастность к великому поэтическому наследию Фудзивара, считая себя единственной, кто сможет спасти поэзию.

Абуцу описывает свое решение отправиться в нелегкое путешествие из Хэйан в Камакура, который занял ровно две недели. В пути она слагает стихи и вспоминает о своей жизни, детях, проезжая уже знакомые места.

Канадская исследовательница Кристина Лаффин пишет, что в эпоху Камакура с изменением социального и экономического положения женщин из аристократических родов меняется и характер путешествий, совершаемых женщинами, а с ним появились и новые темы в литературе: авторы пишут не о путешествии, а о себе⁶. Действительно, в «Идзаёи никки» Абуцу, используя форму дневника, акцентирует внимание на своем положении в семье Фудзивара, своей причастности к поэтическому дому Микохидари и своей решимости довести судебное дело до конца. И хотя, по словам Табути Кумико, практика пересмотра судебных дел в Камакура была, по всей видимости, довольно распространена: по таким делам ездили, как мужчины, так и женщины, однако до нас дошли лишь записи Абуцу⁷.

⁵ Здесь и далее перевод «Идзаёи никки» мой – А.О. Перевод выполнен по изданию: 武井和人・築瀬一雄 (1986) 『十六夜日記・夜の鶴注釈』 和泉書院

⁶ クリスティーナ・ラフィン (2006) 「古代・中世の日記における「女流紀行」」 (『国文学』第 51 卷 8 号, 学燈社, P. 10).

⁷ 田淵句美子 (2005) 『物語の舞台を歩く 十六夜日記』 山川出版社. P. 28.

Нагасаки Кэн отмечает, что цель поездки Абуцу очевидна: ведь она совершает путешествие ради детей⁸. Но при подробном анализе дневника «Идзаёи никки» можно развить предположение Нагасаки Кэн. Можно предположить, что для Абуцу было важно оставить доказательство того, что будучи вдовой и матерью, она принесла себя в жертву; доказать поэтический талант дома Микохидари, основателем которой был Фудзивара Сюдзэй; восстановить справедливость с помощью суда, для передачи земель ее сыну.

Разумеется, мы можем говорить о дневниках монахини Абуцу скорее, как о художественных произведениях, нежели как о документальных хрониках. Соответственно, мы не можем абсолютно доверять всем фактам из дневников, не подтвержденным другими источниками, которых, к сожалению, весьма мало. В то же время исследователи доказывают, что все, что описано в дневниках имеет личный опыт автора, поэтому составление биографии Абуцу на основе ее дневников при отсутствии других источников вполне оправдано.

Если дневник «Утатанэ» был действительно написан не ранее 1251 г., то можно предположить, что Абуцу хотела либо сочинить романтическую повесть, основываясь на своей личной любовной истории, либо описать свои молодые годы, немного приукрасив повествование вымышленными фактами. Вот почему при подробном анализе в «Утатанэ» содержатся некоторые неточности и расхождения с теми фактами, которые известны о писательнице из других источников.

Что касается второго дневника – «Идзаёи никки», то, по всей вероятности, в данном случае у Абуцу было решительное и понятное намерение описать свои тяготы в поисках правды за благополучие не только детей, но и всего наследия поэтического дома Микохидари.

Перед нами раскрывается образ романтической и сентиментальной героини в первом дневнике и сильной решительной женщины во втором. Абуцу пишет дневники, преследуя свои личные цели. Очевидно, что пишет она их не для себя, а для последующих поколений с расчетом на то, что ни она сама, ни ее дела не будут забыты.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова

О княгине Екатерине Романовне Дашковой известно довольно много благодаря заметкам, письмам, стихам, исследованиям, посвященным Дашковой современниками.

⁸ 長崎健 (2002) 「阿仏尼 子を思う旅」 (『国文学 解釈と鑑賞』第 67 卷 2 号, 至文堂, P. 76).

Впоследствии интерес к личности Дашковой только разрастался, было опубликовано много работ, посвященных ее участию в дворцовом перевороте 1762 г., дружбе с Екатериной Великой, деятельности в Академии Наук и Российской академии, ее литературному творчеству и характеру в целом. Тем не менее, главным источником биографии Дашковой по-прежнему остаются ее мемуары «Mon histoire», продиктованные кузинам Катрин и Марте Вильмонт по-французски, когда княгиня находилась в своем имении в Троицком в 1803–1808 гг., незадолго до своей кончины в 1810 г..

Впервые дневник был опубликован в 1840 г. в переводе с французского на английский язык (*Memoires of the princess Dashkaw, lady of honour to Catherine II. Edited from the originals by mrs. W. Bradford. Vol. I-II. London, 1840*). В 1857 г. «Записки» увидели свет на немецком языке, в предисловии к которым были использованы исследования А. И. Герцена (*Memoiren der Fursten Daschkoff. Zur Geschichte der Keiserin Katharina II. Hamburg, 1857*). Наконец, в 1859 г. записки были изданы на русском языке в переводе с английского Г. Е. Благосветлова и с предисловием, основанным на той же статье А. И. Герцена (Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Лондон, 1859). Еще одно интересное издание на русском языке появилось в 1907 г., перевод был выполнен с французского языка (Записки княгини Дашковой: перевод с французского по изданию, сделанному с подлинной рукописи: с приложением 4-х портретов, разных документов и писем и указателя / под ред. и с предисл. Н. Д. Чечулина. – Санкт-Петербург: издание А. С. Суворина, 1907). Тот факт, что в России не спешили с переводом на русский язык можно объяснить хорошим владением в среде аристократии иностранными языками, поскольку известно, что еще до появления русского перевода с «Записками» были знакомы А. И. Герцен, Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин.

Екатерина Дашкова была дочерью графа Романа Илларионовича Воронцова и графини Марфы Ивановны, урожденной Сурминой. Дашкова родилась в Санкт-Петербурге в 1744 г.. Семья Воронцовых была знатной и богатой, отец Екатерины Роман Илларионович служил в лейб-гвардии Измайловского полка и поддерживал цесаревну Елизавету Петровну, приняв участие в перевороте 25 ноября 1741 г.. Потому неудивительно, что Екатерина Дашкова была крестницей самой императрицы Елизаветы Петровны и великого князя, впоследствии императора, Петра Федоровича. После смерти матери Екатерину передали на воспитание в дом дяди, канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова. Дашкова так вспоминает об отце и дяде:

«Я не стану распространяться о фамилии своего отца. Древность ее и блистательные заслуги моих предков ставят имя Воронцовых на таком видном месте, что моей родовой гордости нечего больше желать в этом отношении. Граф Роман, мой отец, второй брат канцлера, был человек разгульный и в молодости лишился моей матери. Он мало занимался своими делами и потому охотно передал меня дяде. Этот добрый родич, признательный моей матери и любивший своего брата, с удовольствием меня принял»⁹.

Однако Дашкова очень иронично описывает полученное в доме дяди воспитание и образование:

«Мой дядя ничего не жалел, чтобы дать нам лучших учителей, и по тому времени мы были воспитаны превосходно. Нас учили четырем языкам, и по-французски мы говорили свободно; государственный секретарь преподавал нам итальянский язык, а Бехтеев давал уроки русского, как плохо мы ни занимались им. В танцах мы показали большие успехи, и несколько умели рисовать. С такими претензиями и наружным светским лоском кто мог упрекнуть наше воспитание в недостатках? Но что было сделано для образования характера и умственного развития? Ровно ничего. Дядя не имел времени, а тетка – ни способности, ни призвания».¹⁰

И все-таки природный ум и любознательность Дашковой сыграли роль в ее становлении. Во время продолжительной болезни корью Дашкова жила в деревне дяди и единственным утешением для нее служили книги. «Как только я могла приняться за чтение, книги сделались предметом моей страсти. Бейль, Монтескье, Буало и Вольтер были любимыми авторами; с этой поры я стала чувствовать, что время, проведенное в уединении, не всегда тяготит нас, и если прежде я искала с детским увлечением одобрения со стороны других, теперь я сосредоточилась в самой себе и стала разрабатывать те умственные инстинкты, которые могут поставить нас выше обстоятельств»¹¹, – пишет Дашкова о своей страсти к чтению. Образование Дашковой дополняли образованные люди, посещавшие дом ее дяди: «Все иностранцы, артисты, литераторы и посланники, посещавшие дом моего дяди, подвергались пытке от моей неугомонной любознательности. Я расспрашивала их о чужих краях, о формах

⁹ Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Пер. с англ. Лондон, 1859. – С. 6.

¹⁰ Там же. – С. 7.

¹¹ Там же. – С. 8.

правления и законах; и сравнения, выводимые из ответов, пробудили во мне горячее желание путешествовать»¹².

Благодаря влиятельным лицам, часто посещавшим дом дяди, где воспитывалась Дашкова, еще до встречи с великим князем, будущим Петром III, и его супругой, будущей Екатериной II, Дашкова была известна великой княгине «как молодая девушка, которая проводит почти все свое время за учением». Примечательна также ремарка Дашковой о том, что «в ту эпоху, о которой я говорю, наверное, можно сказать, что в России нельзя было найти и двух женщин, которые бы, подобно Екатерине и мне, серьезно занимались чтением; отсюда, между прочим, родилась наша взаимная привязанность, и так как великая княгиня обладала неотразимой прелестью, когда она хотела понравиться, легко представить, как она должна была увлечь меня, пятнадцатилетнее и необыкновенно впечатлительное существо»¹³. Так началась дружба между великой княгиней Екатериной и Дашковой. Произошло это зимой 1758–1759 гг., когда великой княгине было 30 лет, а Дашковой – 15, впоследствии первую назовут Екатериной Великой, а вторую – Екатериной Малой.

До дворцового переворота 1762 г. остается всего несколько лет. За это время Екатерина выходит замуж за князя Михаила Ивановича Дашкова, у них рождаются дочь и сын. Екатерина с мужем часто бывают при дворе: Дашкова все больше сближается с великой княгиней, а великий князь сближается со старшей сестрой Екатерины Елизаветой Романовной Воронцовой, сделав ее своей фавориткой. Тем временем императрица Елизавета Петровна часто и сильно болела, было ясно, что скоро власть перейдет к Петру Федоровичу.

События, связанные с болезнью и смертью императрицы Елизаветы Петровны, воцарением Петра Федоровича и последующего за ним заговора и дворцового переворота, в ходе которого на престоле оказалась Екатерина Великая, описаны в «Записках» Дашковой очень подробно, однако именно эти сведения, а точнее роль самой Дашковой в упомянутых событиях, подвергаются сомнениям и кажутся историкам и биографам Дашковой сильно преувеличенными. Сама Дашкова без лишней скромности пишет, что именно ей принадлежала первая роль в этом перевороте.

Один из наиболее полных и ранних библиографических словарей, создававшегося под наблюдением А. А. Половцева с 1896 по 1918 г., дает нам довольно

¹² Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Пер. с англ. Лондон, 1859. – С. 9–10.

¹³ Там же. – С. 13.

подробную и развернутую статью о Екатерине Дашковой, написанную Н. Д. Чечулиным и изданную в 6-м томе в 1905 г..

«Дашкова рассказывает, что она была душою всего заговора, низведшего Петра и возведшего Екатерину. [...] Она своими беседами воодушевила Пассека, Бредихина, Рославлева и других, что она привлекла на сторону заговора гетмана Разумовского, Н. И. Панина и князя М. Н. Волконского, причем Панин, будто бы даже очень удивлялся, что она зашла так далеко, ничего не сообщая о своих действиях императрице. [...] Очень возможно и даже вероятно, что Дашкова со многими разговаривала в том духе, как рассказывает, [...] но есть все основания думать, что значение и роль ее в событиях 28 июня были велики лишь в ее собственных глазах, а не на самом деле»¹⁴.

Сохранился и весьма примечательный отзыв о Дашковой самой Екатерины II в письме к графу Станиславу-Августу Понятовскому, написанном в самые первые дни по восшествии на престол. Данная ремарка призвана объяснить популярность и известность Екатерины Дашковой в Западной Европе, где ее считали чуть ли не руководителем переворота 1762 г.:

«Княгиня Дашкова, младшая сестра Елизаветы Воронцовой, хотя и желает приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, не была в чести по причине своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста, и не внушала никому доверия; хотя она уверяет, что все ко мне проходило через ее руки, однако все лица [бывшие в заговоре] имели сношения со мною в течение шести месяцев прежде, чем она узнала только их имена. Правда, она очень умна, но с большим тщеславием она соединяет взбалмошный характер и очень нелюбима нашими главарями; только ветреные люди сообщали ей о том, что знали сами, но это были лишь мелкие подробности. И. И. Шувалов, самый низкий и самый подлый из людей, говорят, написал тем не менее Вольтеру, что девятнадцатилетняя женщина переменяла правительство этой Империи; выведите, пожалуйста, из заблуждения этого великого писателя. Приходилось скрывать от княгини пути, которыми другие сносились со мной

¹⁴ Русский биографический словарь: Дабелов – Дядьковский / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – Санкт-Петербург: тип. Товарищества «Общественная польза», 1905. – Т. 6. – С. 120-121.

еще за пять месяцев до того, как она что-либо узнала, а за четыре последних недели ей сообщали так мало, как только могли»¹⁵.

Биограф Дашковой Н. Д. Чечулин приводит также интересный эпизод, связанный со встречей Дашковой и Дидро в Париже в 1770 г.. Н. Д. Чечулин пишет, что «по словам Дидро, Дашкова не признавала важным в революции ни свое участие, ни участие кого-либо другого, больше всех, по ее словам, содействовал успеху переворота Петр Федорович своим поведением; она говорила Дидро, что дело зашло очень далеко без ведома и императрицы, и ее самой, что за три часа до начала революции никто не поверил бы, что она начнется раньше, чем через три года»¹⁶. Эти слова возможно интерпретировать, как скромность Дашковой или нежелание брать на себя слишком много славы в глазах великого французского писателя, однако, это высказывание дает Н. Д. Чечулину сделать вывод, что «так именно и представлялось Дашковой ее участие в событиях 28 июня в ближайшее к перевороту время; лишь впоследствии думаем мы, у нее развилось убеждение, что участие ее в революции было так значительно; очень может быть, что княгиня Дашкова с течением времени убедила и сама себя в этом»¹⁷.

В биографии Дашковой, написанной Д. Н. Иловайским в 1884 г., также описывается переломный момент в отношениях Дашковой с императрицей, когда в одной из внутренних комнат дворца Екатерины Великой она увидела графа Григория Орлова, лежащего на диване, в руках у него был пакет с важными государственными бумагами. Только теперь Дашкова поняла, какие отношения существуют между ним и Екатериной, и что очень многое намеренно скрывалось от нее. Д. Н. Иловайский пишет: «до сих пор мы видели, княгиня Дашкова имела полное право считать себя душою и главным двигателем переворота, правою рукою императрицы; по крайней мере, ее поддерживали в этом убеждении. Теперь, когда переворот совершился, не представлялось никакой надобности скрывать настоящие отношения. Мало того,

¹⁵ Екатерина II. Записки императрицы Екатерины Второй: перевод с подлинника, изданного Императорской академией наук: с 12 портретами и 5 автографами. – Санкт-Петербург: издание А. С. Суворина, 1907. – С. 591–592.

¹⁶ Русский биографический словарь: Дабелов – Дядьковский / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – Санкт-Петербург: тип. Товарищества «Общественная польза», 1905. – Т. 6. – С. 121.

¹⁷ Там же. – С. 122.

вероятно, поспешили умерить ее излишнюю пылкость и дали ей понять, чтобы она не принимала на себя слишком повелительного тона»¹⁸.

Вскоре отношения между Екатериной II и Дашковой заметно ухудшились, постепенно они совсем отдалились друг от друга. Дашкова обвиняла в этом Орловых, ставших близкими императрице, отстранив от нее Дашкову. Н. Д. Чечулин приводит еще и тот факт, что, по словам Державина, «княгиня Дашкова требовала себе первого места после государыни и желала даже заседать в Сенате», однако далее справедливо замечает: «других указаний на такие претензии нет, и мы считаем невозможным им верить, но тем не менее известие, передаваемое Державиным, характерно, как выражение взгляда современников на Дашкову»¹⁹.

Мы уделяем так много внимания именно этому событию в жизни Екатерины Дашковой, поскольку оно имеет историческое значение: о дворцовом перевороте и их участниках сохранилось действительно много свидетельств. Таким образом, мы можем точнее обрисовать себе роль Дашковой: то, какой ее видели современники и историки, и то, какой она видела себя самой на страницах своего дневника.

После переворота и разрывом отношений с императрицей Дашкову ожидали беды в семье: смерть малолетнего сына, разлука с мужем и его смерть в Польше, натянутые отношения с родственниками мужа, трудное материальное положение. Наконец, Екатерина II дает разрешение Дашковой уехать за границу, и Дашкова отправляется сначала на три года (1769–1772), а затем на восемь лет (1775–1782 гг.) в Европу с целью довершить образование своего сына. Путешествие Дашковой не похоже на путешествие Абуцу: переезды из города в город, из страны в страну сопровождаются встречами с известными людьми, новыми знакомствами и связями, о которых Дашкова не забывает упомянуть. В целом путешествие наполнено самыми приятными воспоминаниями, что позволяет Дашковой написать по его окончании следующие строки:

«Здесь кончалось мое путешествие, совершенное с самыми скромными средствами и требовавшее всей силы материнской любви. Воспитание сына было предметом всех моих желаний, выше всех препятствий и жертв. Я желала сохранить

¹⁸ Иловайский, Дмитрий Иванович. Сочинения Д. И. Иловайского: С портр. авт. Ч. [1] –3. – Москва: А. Л. Васильев, 1884–1914. – 3 т.; 25. [История Рязанского княжества; Екатерина Романовна Дашкова; Граф Яков Сиверс]. – 1884. – С. 273.

¹⁹ Русский биографический словарь: Дабелов – Дядьковский / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – Санкт-Петербург: тип. Товарищества «Общественная польза», 1905. – Т. 6. – С. 122.

его нравственные начала неприкосновенными, спасти его от тысячи обольщений, столь неизбежных дома для молодого человека. Вследствие этого я решила увезти его за границу; оставив Россию, я была убеждена, что английское воспитание лучше всего отвечало его развитию. Разумеется, я предвидела, что исполнение моего плана не могло миновать долгов, но я надеялась легко разделаться с ними с помощью некоторых лишений и строгой экономии, ведя скромную жизнь вдали от света. Вследствие всех этих убеждений я оставила Отечество. Теперь же вступаю в него с восторгом, видя счастливое осуществление своих заветных надежд...»²⁰.

По возвращении домой Дашкову ждало и неожиданное примирение с Екатериной II. Дети Дашковой были милостиво приняты императрицей и щедро облагодетельствованы ею. Саму же Дашкову указом от 24 января 1783 года императрица назначила на пост директора Петербургской Академии наук при президентстве графа К. Г. Разумовского, который она занимала до 12 ноября 1796 года. Дашкова успешно справлялась с этой должностью и с первых же лет управления Академией начала издавать журнал, в котором печатались лучшие умы тогдашней русской литературы. Сама Дашкова также писала статьи и сочинила даже одну комедию для издания «Российский театр». По ее предложению была также учреждена 30 сентября 1783 г. Императорская Российская академия, имевшая одной из главных целей исследование русского языка, и Дашкова стала ее первым председателем.

Следующей же черной полосой в жизни княгини стала ссора с детьми. Ее дочь, Анастасия, получила блестящее домашнее воспитание, в 1776 году была сосватана матерью за Андрея Евдокимовича Щербинина. Супруги подолгу жили врозь, часто ругались и периодически расходились. Анастасия Михайловна была скандалисткой, беспорядочно тратила деньги, влезала в долги. В 1807 году Екатерина Романовна лишила дочь наследства и запретила впускать к себе даже для последнего прощания. Неприятная для матери история произошла и с сыном Павлом. Не спросив благословения матери, Павел женился 14 января 1788 г. на неродовитой и нетитулованной дочери купца Анне Семеновне Алферовой. Дашкова не желала признавать семью сына и свою невестку увидела впервые только после смерти сына в 1807 г., спустя 19 лет после их свадьбы.

²⁰ Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Пер. с англ. Лондон, 1859. – С. 178–179.

Эти события описаны в дневнике, как одни из самых мрачных воспоминаний княгини, сопровождавшиеся мыслями о самоубийстве:

«Покинутая детьми, я считала свою жизнь бременем и пламенно желала сбросить его, если бы только явилась на помощь посторонняя рука, способная избавить меня от безнадежного существования. [...] Прошрое, настоящее и будущее одинаково туманились предо мной, не было ни одной светлой точки, на которой бы могла остановиться мысль. Самые страшные видения фантазии овладевали мной. Я с трепетом вспоминаю, что в числе моих дум была мечта о самоубийстве. И если бы не освежала моей души религия, эта последняя опора в человеческом несчастье, последнее убежище для души, томимой отчаянием, я не могу поручиться за то, чем окончилась, бы моя агония. В одном уверена, что ни убеждение в нелепости акта самоуничтожения, ни сила рассудка не могли спасти меня: я слишком страдала, чтобы слушаться разума, гордости или другого человеческого побуждения. Я искала, от всей души искала смерти, но не хотела принимать ее добровольно, от своей собственной руки. Только религия могла спасти меня»²¹.

В 1793 г. разлад в отношениях между Екатериной II и Дашковой вновь был привнесен, на этот раз публикацией Дашковой трагедии «Вадим» Княжнина, в которой императрица и ее окружение усмотрели опасное содержание. 14 августа 1794 г. на заседании Академии Наук Дашкова заявила, что, с соизволения императрицы, она уезжает в двухлетний отпуск. Последующие несколько лет Дашкова провела в своих имениях и уже больше не виделась с императрицей.

По восшествии на престол император Павел уже 12 ноября 1796 г. немедленно отстранил Екатерину Дашкову от всех занимаемых должностей и приказал ей жить в своих деревнях. Так начался период жизни Дашковой в опале, которая была снята лишь со смертью императора в 1801 г..

Последние годы жизни княгини были печальны и унылы: она была совершенно одинока, отношения с дочерью и сыном были окончательно расстроены. Дашкова не пожелала видеть сына, когда тот умирал в 1807 г., дочь же она лишила наследства и большую часть состояния передала своему двоюродному племяннику, графу Ивану Илларионовичу Воронцову. Скончалась Дашкова 4 января 1810 г. в Москве, похоронена в селе Троицком.

²¹ Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Пер. с англ. Лондон, 1859. – С. 231–232.

Рассмотрим причины, побудившие Дашкову написать эти «Записки». Довольно подробное объяснение мы находим в письме, адресованном ее подруге мисс Уильмот, с которого начинаются «Записки»:

«Приступая к описанию своей жизни, я удовлетворяю вашему желанию, мой молодой и любезный друг. Перед вами картина жизни беспокойной и бурной или, точнее говоря, печальной и обремененной затаенными от мира тревогами сердца, которых не могли победить ни гордость, ни мужество. В этом отношении я могу назвать себя мучеником принуждения; я говорю мучеником, потому что скрывать свои чувства и представлять в ложном свете всегда было противно и невыносимо тяжело для моей природы»²².

Итак, Дашкова намеренно занимает позицию мученика, и в своих «Записках» всегда находится в центре событий, как больших, так и менее значительных, акцентируя при этом внимание на искренность и беспристрастность в изложении фактов. Немного преувеличенным с этой точки зрения выглядит пассаж в самом конце «Записок»:

«Относительно их [записок] содержания я могу уверить, что беспристрастная истина водила моим пером. Опустив некоторые оскорбительные для других события, я, может быть, не отдала должной справедливости себе, но от этого читатель ничего не теряет».²³

Несомненно, Дашкова предстает на страницах дневника трагическим героем, по собственному мнению, недооцененной современниками, обделенной судьбой, пережившей столько несчастий, болезней, жестокое изгнание, немилость правителей. Она позиционирует себя как главный участник дворцового переворота, как человек, повлиявший на ход истории, как несчастная мать, от которой отвернулись дети, как помещица, которая заботится о своих крестьянах. У Дашковой очень много ролей, и в каждом своем амплуа она являет собой человека самых высоких чувств, самых благородных намерений, самых бескорыстных стремлений. Перед нами женщина, «которая справедливо может похвалиться одним достоинством, что она не прожила ни одного дня только для себя самой»²⁴.

Записки посвящены мисс Уильмот, поскольку Дашкова питала к ней особенно дружеские чувства, и именно мисс Уильмот удалось уговорить Дашкову записать и

²² Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Пер. с англ. Лондон, 1859. – С. 1.

²³ Там же. – С. 291.

²⁴ Там же. – С. 3.

передать ей историю своей жизни. Однако в тексте мы находим обращение к читателю: Дашкова знала, что «Записки» будут опубликованы после ее смерти, поэтому в тексте прослеживается желание автора передать «грустную историю, из которой легко было бы составить увлекательный роман»²⁵.

Биография Дашковой, подготовленная Н. Д. Чечулиным для «Русского библиографического словаря» 1905 г., также не является беспристрастной. Н. Д. Чечулин дает оценку не только поступкам, но и характеру княгини Дашковой. Так биограф отмечает, что значение и роль Дашковой в событиях 28 июня были велики лишь в ее собственных глазах, а не на самом деле, что Дашкова отличалась чрезвычайной скупостью, что заслуги по управлению Академией Дашкова ценила слишком высоко, что ее литературные произведения не представляют ничего выдающегося даже для своего времени, что она отличалась крайней субъективностью и никогда не стремилась представить факт в его объективном значении, что характер ее бесспорно господствовал над умом и «несомненно, у нее ум был далеко не дюжинный, но более разносторонний и глубокий»²⁶. В заключении Н. Д. Чечулин пишет о том, что все современники единогласно свидетельствуют о ее невыносимом характере: «он отравил ей самой жизнь более, чем кому-либо»²⁷, – заключает биограф.

Итак, на страницах «Записок» мы видим сильную женщину: «она родилась быть министром или полководцем, ее место во главе государства»²⁸, – пишет Мисс Уильмот в письме своим родственникам. Дашкова рассчитывает, что «Записки» увидят свет и ее, судя по всему, широкий круг читателей сохранит память о княгине, как о личности, проявившей себя в политической и общественной деятельности и оставившей след в истории своего отечества.

Заключение

Монахиня Абуцу и княгиня Дашкова, разделенные временем и пространством, являют собой незаурядные личности, сыгравшие значительные роли в событиях своего времени, но сумевшие остаться в тени истории. Не многие знают, что именно Абуцу

²⁵ Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Пер. с англ. Лондон, 1859. – С. 1.

²⁶ Русский биографический словарь: Дабелов – Дядьковский / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – Санкт-Петербург: тип. Товарищества «Общественная польза», 1905. – Т. 6. – С. 129.

²⁷ Там же. – С. 130.

²⁸ Цит. по: Дашкова Е.Р. Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самой. Пер. с англ. Лондон, 1859. – С. 7.

послужила причиной разлада отношений в семье Фудзивара, а судебное разбирательство по поводу наследства поэтического дома Микохидари разделило семью на три независимые ветви. Пусть даже Дашкова преувеличивает свою роль в дворцовом перевороте 1762 г., но ее дружба с Екатериной Великой и деятельность в качестве директора двух академий не должна оставаться недооцененной. Тем не менее, в учебниках истории мало, кто вспоминает о Екатерине Малой.

Абуцу и Дашкова писали дневники с осознанной целью оставить память о себе и о своих деяниях. Для Абуцу было важно доказать свою преданность поэзии, верность мужу и заботу о детях. Для Дашковой – восстановить репутацию, защитить свою честь и избавиться себя от клеветы.

Для обоих авторов важны такие понятия, как мученичество и долг. Эти два мотива проходят на протяжении всего дневника «Идзаёи никки» и «Записок». Абуцу оставляет свой дом и отправляется в далекое и опасное путешествие только для того, чтобы добиться правды для своих детей. Как поэт и защитник поэзии Абуцу слагает стихи в известных местах, поскольку именно так следует поступать поэтам. Дашкова страдает по причине своей доверчивости, искренности и смелости, которые послужили поводом для зависти и клеветы. Она страдает за свое честное сердце и чистые намерения, но безупречная совесть помогает Дашковой вынести все невзгоды и выполнить свой долг. Долг Дашковой заключался в том, чтобы делать все доброе по силам своим и никому не причинять зла. Такой мы видим Дашкову, когда она участвует в заговоре против императора Петра Федоровича, когда ссорится с Екатериной и уезжает за границу, когда занимается образованием и карьерным успехом своих детей, а затем разрывает с ними всякие дружеские отношения, когда возглавляет Академию Наук и восстает против цензуры, когда попадает в немилость императора и живет в одиночестве в опале.

В любой жизненной ситуации на страницах дневников Абуцу и Дашкова – идеальные героини романа, сильные и решительные женщины, совершающие смелые и отчаянные поступки. Такими ли они хотели предстать в глазах потомков? Пожалуй, что да. Такими ли они были на самом деле? Скорее всего, и да, и нет. Мы можем судить об их характерах на основании поступков, можем обратиться к мнениям современников. Но если бы сами героини намеревались описать свои жизни и характеры без прикрас, они написали бы не дневники, а исповеди.